

пять на протяжении десяти дней у приезжих московских купцов («гостей»), а не у перекупщиков. Львов, как крупный торговый центр, имел «право склада» русских мехов, откуда львовские купцы экспортировали русские собольи и другие меха в крупные польские города и за границу: Молдавию, Валахию, на Балканский полуостров, в Турцию, Италию, Нидерланды.

Часто украинские купцы ездили в Россию специально для закупки «косматого товара». Так, в 1689 г. Юрий Брагнович на ярмарке в Свенске купил 488 соболей, которые составили прибыль в размере 5993 польских злотых. Кроме этого, он купил меха из соболиных спинок и пупков, 10 связок по сорок горностаев, 20 шкурок волка, 6 шкурок черного волка, 26 шкурок белого зайца, 12 шкурок волковых животиков всего на сумму 7584 польских злотых, а прибыль с них составила 1039 польских злотых. После уплаты всех пошлин и продажи всего привезенного товара львовский купец получил прибыль 4296 польских злотых, что является чрезвычайно большой суммой⁹. (Для сравнения работа мастера ремесленного цеха высокого класса стоила от 3 до 6 злотых в неделю, а подмастерья — от 6 до 8 грошей). Часто закупленные в России меха тут же обменивали на другие импортные товары — турецкие, голландские, немецкие и другие.

Кроме пушного товара важной частью русского экспорта на Украину были кожевенные изделия. Закупать кожу могли не только богатые купцы, но и бедные («убогие»), которым, согласно городским законам, разрешалось торговать только в розницу, в отличие от богатых купцов, которые занимались оптовыми продажами. В приходно-расходной книге купеческой гильдии представителей львовских знатных патрицианских родов Мельхиора Шольц-Вольфовича и Павла Боима имеются записи о покупке больших партий московской юфти. Так, в сентябре 1600 г. они купили на ярмарке в городе Луцке за 1200 злотых 240 «пар юфти московской», уплатив за пару по 5 злотых. Покупали юфть и на ярмарке в Остроге. Кожа служила сырьем для многих кожевенных производств. Только во Львове насчитывалось 9 ремесленных цехов, специализировавшихся на изготовлении меховых и кожаных изделий, в том числе шапочники, рукавичники, седельники, поясники, рымари (изготовление упряжи для лошадей), замшевики, калитники (изготовление сумок, кошельков и т. п.).

Однако известны случаи ввоза меховых изделий в Москву. В курских таможенных книгах содержатся записи о взимании с привозимых для продажи в Россию мехов и меховых изделий. Большим спросом в России пользовались так называемые «литовские» шубы или «большие» шубы, которые привозились в основном из Гадяча, Глухова, Ро-

мен, Луцка. Среди товаров купца Артема Яковлева, который значится в курской таможенной книге как «иноземец города Луцка», в 1647 г. были отмечены «два меха русачих, десять кохтанов литовских, асманчатая папон»¹⁰, которые он вез для продажи в Россию.

В XVII в. Россия становится крупнейшим поставщиком меха («косматого товара», «мягкой рухляди») в страны Западной и Восточной Европы, Турцию. Украинские земли в составе Речи Посполитой выступали как транзитными магистральями, так и равноправными потребителями русских мехов и кожи. Часто именно украинские купцы способствовали интенсивному развитию рынков сбыта московских мехов, отправляя меха в дальние страны, а также развитию внутренних рынков России, покупая пушнину на русских торгах и ярмарках.

Примечания

¹ Полонська-Василенко Н. Д. Історія України. Київ, 1995. Т. 1. С. 232.

² Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1995. Т. 6. С. 169—170.

³ Архив Юго-Западной России. Киев, 1907. Ч. 8. Т. 5. С. 162—163.

⁴ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 6. С. 15—16.

⁵ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 2. Д. 10. Л. 3—3об.

⁶ Ковальский Н. П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI—первая половина XVII в.). Днепропетровск, 1985. С. 13—14.

⁷ Там же. С. 20—21.

⁸ Ковальский Н. П. Источники по истории Украины XVI—XVII вв. в Литовской Метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. С. 44—45.

⁹ Історія Львова в документах і матеріалах. Київ, 1986. С. 88.

¹⁰ Воссоединение Украины с Россией: Док. и материалы. М., 1954. Т. 1. С. 454.

Г. М. Коваленко

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В НОВГОРОДСКИХ ТАМОЖЕННЫХ КНИГАХ НАЧАЛА XVII в.

В конце 1830-х гг. профессор Хельсинкского университета С. В. Соловьев, проторив «археографическую тропу» в Швецию¹, открыл архив Новгородской приказной избы, вывезенный из Новгорода в

1617 г. шведским военачальником Якобом Делагарди. Этот архив является самым крупным зарубежным собранием источников по русской истории, он содержит около 30 тысяч листов документов. Среди них есть таможенные книги 1610/11 и 1613/14 гг., на которые еще в 1959 г. указал Л. В. Черепнин². Однако в научный оборот они были введены лишь в 1996 г.³

В 1997 г. шведским исследователем Лайлой Нордквист в Государственном архиве Швеции в коллекции Скуклостер⁴ была обнаружена еще одна новгородская таможенная книга за 1614/15 г.⁵ Ее дополняет запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье⁶.

Таможенные книги характеризуют прежде всего хозяйственный быт и являются уникальным источником по истории русской таможни и торговли. В них содержится наиболее полная информация о количестве и ассортименте товаров, ценах на них, видах и размерах торговых пошлин, русской метрологии, географии торговых связей. В этом плане новгородские таможенные книги 1610/11 и 1613/14 гг. довольно подробно изучены В. В. Варенцовым⁷.

Однако в таможенных книгах есть и другие слои информации, на которые исследователи, как правило, почти не обращают внимания. Прежде всего — это информация бытового характера, благодаря которой мы можем более конкретно представить повседневную жизнь русского человека в XVII в.

Русские делопроизводственные материалы отличаются от западноевропейских тем, что они представляют собой текст, а не таблицы и кроме сухих цифр содержат множество деталей. Так, например, картина разорения и запустения территорий представляется более зримой, когда читаешь в писцовых материалах такие фразы: «А в тех пустошах пашни лесом поросло в кол и в жердь и в бревно <...> и во всей волости жильцов нет ни одного человека <...> пусто все лесом поросло», «сшел безвестно», «бредут розно», «а опричь того на Софейской стороне дворов нет, вся Софейская сторона стоит пуста, дворы и лавки пожгли в ноугородское взятие немецкие люди».

В новгородских таможенных книгах уже перечень товаров, среди которых фигурируют восточные пряности, гречское и любское мыло, песочные часы, карты, шахматы, очки, писчая бумага, печатные книги, дает определенный срез бытия новгородцев, так как, с одной стороны, характеризует уровень их грамотности и культуры, а с другой стороны, свидетельствует о начале их приобщения к европейской культуре.

В этом плане интересен опыт совместной работы шведских и русских приказных людей на таможне в Невском устье. Ее метрология несколько отличалась от метрологии Новгородской таможни. Здесь

применялись такие единицы измерения емкости, практически не встречающиеся в других таможенных документах того времени, как ама, пила и онсефть (оксефть)⁸. Кроме того, подьячий Афанасий Бражников, очевидно, не очень хорошо разбирался в номенклатуре товаров, которые везли иностранные купцы. Поэтому их перечень содержит такие ткани, как махавея, сиденкрофрен, пархин, трифляр, картык. Можно предположить, что так он воспринимал их немецкие или шведские названия на слух.

Кроме того, материалы новгородских таможенных книг начала XVII в., при сопоставлении с другими источниками в определенных случаях, позволяют дополнить или уточнить картину политических событий.

В свое время шведский исследователь Андерс Шеберг отметил, что военно-политические события в Новгороде нашли косвенное отражение в приходо-расходных книгах общественной бани в Новгороде за 1611—1615 гг.⁹ По его наблюдениям, количество посетителей бани свидетельствовало о том, что новгородцы в то время уделяли большое внимание личной гигиене. Это подтверждается тем, что таможенные книги неоднократно фиксируют продажу в Новгороде довольно крупных партий мыла разных сортов: белозерского, гречского, любского, романовского, ярославского.

Новгородская таможенная книга 1610/11 г. позволяет уточнить дату заключения новгородско-шведского договора 1611 г. Она не содержит записей с 14 по 26 июля, что косвенно подтверждает тот факт, что договор между шведскими и новгородскими властями был заключен 25 июля¹⁰.

Штурму Новгорода предшествовали переговоры новгородских властей с подошедшим к Новгороду Делагарди. Переговоры проходили в сложной обстановке, и присутствие шведских войск оказывало неблагоприятное влияние на торговлю, которая всегда довольно чутко реагирует на изменение политической ситуации. В мае—июле 1611 г. таможенные книги фиксируют главным образом продукты питания, среди которых преобладает рыба.

После подписания договора ситуация несколько стабилизировалась и ассортимент товаров в таможенных книгах стал разнообразнее. Оживление торговли в регионе было зафиксировано и в других источниках: «Из Новгорода торговые всякие люди с товары ездят беспрестанно в Осташков и в Торжок, и во Тверь и во Ржеву и Старицу и в Погорелое и в Ярославль, и ис тех городов в Великий Новгород всякие торговые люди с товары ездят же»¹¹.

После провала переговоров в Выборге в 1614 и 1615 гг. шведы не-

однократно пытались привести новгородцев к присяге Густава II Адольфу. Отказ новгородцев от присяги повлек за собой ужесточение оккупационного режима, репрессии и увеличение поборов. С середины 1614 г. в Новгородской земле сократился подвоз продовольствия, сократилась торговля, начался продовольственный кризис, следствием которого стал голод: «В Новгороде голодно, пить, есть нечего, а хлеб купят рожь четверть в рубль и больше».

Таможенная книга 1614/15 г. фиксирует сокращение ввоза непродовольственных товаров, что объясняется падением покупательной способности населения. С другой стороны, увеличился ввоз продуктов питания из-за рубежа, в том числе эксклюзивных продуктов: пряностей, европейских вин и пива, немецких сыров, угрей, предназначенных, очевидно, для шведских властей и новгородской верхушки.

Переговоры Новгорода с руководством Второго ополчения в 1612 г. изменили внешнеполитическую ситуацию на Европейском Севере. В этом регионе имела свои интересы Англия, внимательно наблюдавшая за развитием событий в России. Особый интерес проявляла к ним «Московская компания», получившая ряд привилегий на ведение торговых операций в Московии. Именно с ее представителями был связан проект установления английского протектората над Русским Севером. В своей неопубликованной работе И. И. Любименко высказала версию о том, от какой группы лиц могло исходить такое предложение: «Зимой 1608/09 г. из-за осады Москвы в Вологде задержались русские и иностранные купцы, направлявшиеся в столицу с богатыми товарами. В целях обороны города от войск самозванца и поляков был организован городской совет. В нем участвовали и иностранные купцы, среди которых англичане играли, ведущую роль. В создавшихся новых условиях на почве охраны общих экономических интересов между английским и русским купечеством устанавливаются более тесные отношения»¹².

Сообщая о явке из Вологды крупной партии товаров «аглинсково немчина Рыцаря Анкиня», таможенная книга 1610/11 г. подтверждает факт присутствия английских купцов в Вологде и в более позднее время. Вполне возможно, что «Рыцарь Анкинь» имел какое-то отношение к вышеупомянутому проекту.

Отметим также, что новгородские таможенные книги начала XVII в. дают богатый лексический материал, который можно использовать при работе над словарем русского языка XI—XVII вв.

Примечания

¹ См.: Коваленко Г. М. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. [Вып.] 30. С. 179—183.

² Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. [Вып.] 9. М., 1961. С. 226.

³ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 163/14 гг. СПб., 1996.

⁴ Коллекция Скуклостер — собрание документов из архива графов Врангель, хранившееся ранее в их родовом поместье Скуклостер близ Упсалы.

⁵ См.: Коваленко Г. М. Новгородские таможенные книги в Государственном архиве Швеции // Учен. зап. Северо-Западного филиала Российской таможенной академии. СПб., 2000.

⁶ Riksaridvet Ockupationsarkiv fran Novgorod 1611—1617. Vol. 1:121; Якубов К. Русские рукописи Стокгольмского архива. Приказные книги и тетради // ЧОИДР. 1890. Кн. 4. С. 78; Шаскольский И. П. Старейшее известие о русском торговом селении на территории будущего Петербурга (нач. XVII в.): По материалам Стокгольм. архива // Феодальная Россия. СПб., 1993. С. 42—45; Коваленко Г. М. Таможенная запись 1615 г. о взятии пошлин в Невском устье. Новгород, 1998.

⁷ Варенцов В. А. 1) Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг. // Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею проф. рус. истории Н. Б. Голиковой. М., 1994. С. 93—116; 2) Торговля и таможенное управление Новгорода в XVI—XVII веках. Новгород, 1996.

⁸ Ама (ом) — мера жидкостей (вина) — 132—157 л; пипа (pier, pipe) — мера жидкостей (вина) — 418—583 л (в Испании, Португалии, Швеции — 471 л); оксгофт (oxhobt, oxhoft) — мера жидкостей (вина) = 0,5 пипы.

⁹ Связь с военными операциями шведов — 26 июня 1614 г. в бане был только один посетитель, поскольку Трубецкой был под Бронницами, новгородцы были мобилизованы как гребцы для переброски войск (Sjoberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611—1615 // Scando-Slavica. XXII. 1979. P. 129).

¹⁰ Среди исследователей нет единого мнения относительно даты его заключения. Называются такие даты, как 11, 16 и 17 июля (см.: Коваленко Г. М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // ВИ. 1988. № 11. С. 131—134.

¹¹ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 113.

¹² Любименко И. И. Проекты английской интервенции в России в 1612—1613 гг. // Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 276. Оп. 2. № 132. Л. 5.